

Валерий Панюшкин

СПЕЦИАЛЬНО
ДЛЯ РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Чьи это дети

Принятие закона о патронатном воспитании сопровождалось непривычными для Государственной думы страстями. Закон этот, предложенный депутатом Екатериной Лаховой, был внесен в парламент, непонятным образом отнесен другой закон на эту тему, предлагающий министром образования Андреем Фурсенко. Прошел первое чтение, но со второго чтения был снят, после пламенной речи депутата Александра Лебедева, объявившего закон в том, что тот, дескать, противоречит «Плану Путина». Одновременно епископ Марк обвинил депутата Лахову в попытке «монополизировать детей».

Борьба против закона, бюрократизирующего устройство сирот в семьи, развернулась нешуточная. По слухам, вице-премьер Дмитрий Медведев поручил Министерству образования вновь вернуться к подготовленному в недрах министерства закону и в январе внести его в правительство. Суть борьбы в том, позволит ли общество чиновникам безраздельно распоряжаться самым дорогим — детьми.

Патронатное воспитание или так называемые fosterские семьи — это, кто не знает, такая форма устройства сирот, когда дети юридически числятся живущими в детском доме, а фактически живут в приемных семьях. Детский дом становится скорее социальной службой, помогающей приемным родителям найти детей, а детям — найти приемных родителей. Детский дом психологически готовит родителей к тому, что у них в доме появится не самый простой, как правило, ребенок. А ребенка сотрудники детского дома готовят к попаданию в семью. Когда у патронатных родителей и приемного ребенка возникают психологические или медицинские проблемы, сотрудники детского дома помогают эти проблемы решать. И еще детский дом берет на себя решение юридических проблем ребенка, поскольку ребенок юридически остается на попечении государства. Во всем мире fosterские семьи успешно существуют. В России детей из fosterских семей в детский дом возвращают значительно реже, чем возвращают детей в детский дом обычные усыновители.

Главное возражение, которое выдвигают противники патронатного воспитания (они же чиновники, они же сторонники закона Екатерины Лаховой), заключается в том, что патронат — это никакое не решение проблемы сиротства, поскольку сироты, как были в детском доме, так в детском доме юридически и остаются. Логика чиновников проста: если по документам ребенок в детском доме, значит, он и есть в детском доме, даже несмотря на то что живет в квартире с любящими его мамой и папой, получает заботу, любовь, внимание и все, что полагается детям в обычной семье.

Глубинная причина, заставляющая чиновников ненавидеть самое идею патроната, заключается в том, что распределением детей в семьи занимаются не они, чиновники, а психологи, воспитатели и приемные родители. Связи между психологами детского дома, детьми и родителями становятся в случае fosterских семей значительно более сильными, чем связи приемного родителя и государства в случае обычного усыновления. Дети, если существуют fosterские семьи, становятся предметом заботы общества, а не государства. Тем временем государство продолжает нести ответственность за детей, судьбы которых не распоряжается. Вот главная проблема.

Если пересказывать закон, внесенный Екатериной Лаховой, в двух словах, то суть такая: пока ребенок в детском доме, его судьбу должен и специалист-психолог и воспитатели, непосредственно с этим ребенком работающие. А когда ребенок попадает в приемную семью, государство продолжает нести за ребенка ответственность и следить за благополучием ребенка.

Это два принципиально разных подхода к жизни, и, думаю, поэтому вокруг закона такая ожесточенная полемика. Это два разных мировоззрения.

Закон Лаховой предполагает такое устройство жизни, когда государство диктует гражданам, как жить, а если граждане не слушаются и если у них проблемы, то нельзя гражданам рассчитывать на помощь государства, потому что слушаться было надо.

Закон Минобразования предполагает такое устройство мира, в котором граждане сами могут устраивать жизнь по своему усмотрению, и государство не вмешивается. Не вмешивается до тех пор, пока у граждан не возникнут проблемы, и если проблемы возникнут, то государство готово помочь. Иными словами, полемика вокруг закона о патронате сводится к вопросу, граждане ли существуют для государства или государство для гражданина.

Мои предпочтения очевидны. Я полагаю, что чиновникам пора бы понять, во-первых, что ребенку все равно, числится ли он по документам в детском доме или в семье. Ему не все равно, просыпается ли он на детдомовской койке или в уютной спальне от маминного поцелуя. И если приемной маме удобнее целовать ребенка и заботиться о ребенке, зная, что юридические его проблемы берет на себя государство, то государство от этих юридических проблем (таких, например, как полагающаяся сироте жилищная) не надорвется.

Чинювникам пора понять, во-вторых, что сироты — это не государственные дети, а общественные. И, стало быть, заниматься ими должно общество, огромное число разных людей, и государственная монополия на сирот неуместна.

Чинювники должны понять, в-третьих, что государство не имеет права снимать с себя ответственность не только за усыновленных сирот, но и за вполне благополучных детей, растущих в своих кровных семьях. Потому что государство нанято нами за наши деньги, чтобы решать наши проблемы.

За волю к победе

Десятилетнему мальчику нужен миллион на протез

Астраханец Артур Еремушкин лежит сейчас в детском отделении онкоцентра в Москве. Он не совсем еще понимает, что лечится ему тут около года. Что предстоит операция по пересадке эндопротеза на место пораженной раком бедренной кости. Отчаянно смущаясь журналистов, он рассказывает про своих друзей и про секцию каратэ, которую он ни в коем случае не хочет бросать. И это не мечта, это реально. Но только в том случае, если семья Еремушкиных найдет не реальные для нее деньги — 1 млн рублей на эту операцию.

Когда мы с фотографом заходим в палату детского отделения онкоцентра, 10-летний Артур Еремушкин, шустрый и, кажется, очень подвижный мальчик, тут же бросает все свои дела, садится на кровать и смотрит в стену, в одну точку. Не отрываясь. Вот тот самый случай, когда у человека прямо на лице написано: «Я очень смущаюсь». Была бы его воля, он бы, наверное, и защитный антибактериальный пластырь не стал бы снимать. Артуру, конечно, говорили, что придут журналисты, будут задавать вопросы и фотографировать. Но думать о том, что это будет когда-то, неприятно, но терпимо. А когда они уже пришли и лезут всячески некуда — это совсем-совсем другое.

— Как ты себя чувствуешь, как тебе тут вообще лежится? — спрашивает меня, просто чтобы хоть с чего-то начать.

Артур молчит.

— Мы себя хорошо сейчас чувствуем. Лежим еще недавно, привыкаем, — отвечает за сына его мама Татьяна.

Не отводящий глаз от стены Артур согласно кивает. Возразить и добавить ему нечего.

— Артур, расслабься, все будет хорошо! Мы тебе даже уколы делать не будем! — улыбается я ему.

Мальчик коротко улыбается в ответ и вновь отворачивается. Он не совсем уверен в том, что все будет хорошо. И пока, увы, у него для этого есть все основания.

Татьяна рассказывает, что весной, гуляя, Артур ударился ногой в области бедра. А, может, и его ударили. Гадать бессмысленно — 10-летний паренек не признал бы это просто из гордости. Боль долго не отпускала, но вроде обошлось. А в конце лета семья Еремушкиных поехала отдыхать из родной Астрахани на Южный Урал. Там боли начались снова, и они только усиливались, и отпуск окончился.

Приехали домой, сделали рентген. Артуру повезло с врачом районной больницы. Тот сразу заподозрил неладное и выписал направление в городскую онкодиспансер. Диагноз «саркома Юинга правого бедра» — и повторное направление, уже в Москву.

В Москве Артур совсем недавно, с сентября. Мы потихоньку разговаривали. О его друзьях и любимых компьютерных играх, о его годовой племяннице Насте и о том, как он любит играть с ней. О том, что мальчишка всерьез занимается каратэ, и даже успел получить престижный для своего возраста желтый пояс и приз «За волю к победе» на соревнованиях. И вот чем больше мы разговаривали, тем больше я понимал, что Артур еще не осознает, насколько его дела серьезные.

У него позади только второй курс химиотерапии, и он не хочет думать, что их будет еще много. А их еще будет много. Он рассказывает о своих школьных астраханских друзьях так, словно увидит их, ну, через месяц. И мысль о том, что в онкоцентре ему придется пролежать год, пока выше его понимания. Это для него страшная мысль.

И самое главное, ему очень нужна операция. Если вместо пораженной раковыми

клетками бедренной кости ему не поставят пластинчатый эндопротез, рано или поздно это кончится метастазами по всему организму

клетками бедренной кости ему не поставят пластинчатый эндопротез, рано или поздно это кончится метастазами по всему организму

клетками бедренной кости ему не поставят пластинчатый эндопротез, рано или поздно это кончится метастазами по всему организму

клетками бедренной кости ему не поставят пластинчатый эндопротез, рано или поздно это кончится метастазами по всему организму

клетками бедренной кости ему не поставят пластинчатый эндопротез, рано или поздно это кончится метастазами по всему организму

клетками бедренной кости ему не поставят пластинчатый эндопротез, рано или поздно это кончится метастазами по всему организму

клетками бедренной кости ему не поставят пластинчатый эндопротез, рано или поздно это кончится метастазами по всему организму

КАК ПОМОЧЬ ДЛ Я СПАСЕНИЯ АРТУРА ЕРЕМУШКИНА НЕ ХВАТАЕТ 713 550 РУБ.

Как сообщает заведующая отделением опухолей опорно-двигательного аппарата НИИ детской онкологии и гематологии Российского онкологического научного центра имени Н. Н. Блохина Надежда Иванова, у Артура Еремушкина саркома Юинга правой бедренной кости. Мальчик болел с мая этого года, в августе на бедре появилась припухлость, и астраханские онкологи направили мальчика в Москву, на Каширку, «поставив правильный диагноз». 17 сентября Артура здесь госпитализировали и немедленно приступили к интенсивной химиотерапии. Позади два курса «с ярок выраженной положительной динамикой». Мальчик получил также курс лучевой терапии.

По оценке госпожи Ивановой, «на сегодня опухоль уменьшена на 80 процентов, это хороший показатель». Уже сейчас можно было бы приступать к «органоспе-

регационной хирургической операции» — для спасения ноги. Это будет эндопротезирование коленного сустава неинвазивным протезом производства США (Неинвазивный — значит, для последующего раздвижения протеза, мальчик-то растет, не потребуются госпитализация, наркоз и хирургическая операция). По мере роста Артура, ориентировочно раз в полгода, врачи онкоцентра в амбулаторном режиме будут раздвигать протез при помощи электромагнитного поля. Технология отработана, этот «растущий» протез хорошо зарекомендовал себя. Он изготавливается индивидуально под конкретного пациента, срок производства — один месяц. После операции Артура ждут еще два курса высокодозной химиотерапии. «Чтобы закрепить результаты лечения», — сказала доктор Иванова.

Уважаемые друзья! Протез для Артура стоит 1,08 млн руб. Еремушкины, к сожалению, не располагают такой суммой, и собрать ее им тоже не под силу. Поэтому мама Артура Татьяна Еремушкина и обратилась в Российский фонд помощи. Наш постоянный партнер инвестиционная группа «Капитал» внесет \$15 тыс. (подробности на сайте www.rusfond.ru). Таким образом, не хватает еще 713 550 руб. Помочь можно, перечислив деньги поставщику протеза — московской компании ИКВА либо на счет банковской маме мальчугана Татьяне Еремушкиной. Любые суммы будут с благодарностью приняты. Все необходимые реквизиты есть в фонде.

**Экспертная группа
Российского фонда помощи**

Из свежей почты

Саша Попов, 8 лет, детский церебральный паралич, тетрапарез, необходимо курсовое лечение на год. 156 тыс. руб.
Внимание! Собинбанк внес 50 тыс. руб. (подробности на сайте www.rusfond.ru). Не хватаем 106 тыс. руб.

Недавно наш Саша научился смеяться! Он изо всех силенок пытается раскрасить о своих впечатлениях, да пока не получается. Саша родился в коме. Он был весь скрюченный, перенапряженный. После двух операций туловище распрямилось, разжалась кулачки. Но ни массажи, ни терапия не улучшили общего состояния сына. С сентября 2006 года мы прошли четыре курса в Институте медтехнологий (ИМТ). После первого же курса Сашу перестали мучить судороги. Благодаря тому, что постепенно снимается напряжение языка, вместо мычания появились звуки и осмысленные короткие словечки: сынок уже может нас позвать, что-то попросить. Врачи обещают, что говорить он будет, если не прервем лечение. Деньги мы занимали у всех вокруг, находили разовых спонсоров, но больше никто не дает. Живем на зарплату мужа в 10 тыс. руб., он экспедитор в фирме. Надеемся лишь на вашу помощь. Олеся Попова, Свердловская область

Невролог ИМТ Ольга Рымарева (Москва): «Саша поступил в тяжелом состоянии, но на наш метод откликнулся хорошо. Сняты судороги, повысилась двигательная активность, улучшился контакт и понимание речи. Очень важно сейчас не прерывать лечение».

Дима Рольгайзер, 11 лет, прогрессирующий кифосколиоз 4-й степени, нужна срочная операция. 189 584 руб.
Внимание! Компания IСЕМ внесет 50 тыс. руб. (подробности на сайте www.rusfond.ru). Не хватаем 139 584 руб.

Сыну нужна очень дорогая операция, оплатить которую у меня нет возможности. Работаю охранником (9 тыс. руб.), бывшая жена живет в другом регионе и не интересуется Димой. Присматривает за сыном моя мать-пенсионерка. Впервые узнали о сколиозе, когда оформляли малыша в детсад. Тогда он ходил в группу для детей с заболеваниями позвоночника. Сейчас учится в санаторной школе, но прогресс сколиоза очень быстрый, деформируются внутренние органы, слева растет горб. Мышц у мальчика практически нет, кожа да кости, одна нога короче другой. Он нервный, над ним смеются. Дети не понимают, что это болезнь. Вот пришел с улицы и говорит: «Лучше б я умер». Каково? У меня, у мужика, сердце разрывается. Учится Дима хорошо, много читает, приззер областных олимпиад, мечтает работать в космосе. Не откажите, пожалуйста. Огромное спасибо всем, кто сострадает. Сергей Рольгайзер, Кемеровская область

Заведующий клиникой Новосибирского НИИТО Михаил Михайловский: «Сколиоз у Димы ранний, прогрессирует стремительно, уже 60 градусов. Оперировать, и побыстрее. Сейчас возможен оптимальный результат. Даже гадать не стану, сколько парень проживет без операции, и какой будет эта жизнь».

Алижан Избулатов, 1 год, врожденная косолапость, необходимо комплексное лечение. 84 тыс. руб.

Мы живем в маленьком селе, я мать четырех детей. Двое школьники, дочь четырех лет и Алижан, которого я родила в августе 2006 года. Он появился на свет с искривленной левой ногой. Хирург ставил ему гипс вроде сапожка, двенадцать раз ставил, но результата нет. Стоять Алижан может, но делает два шага, ноги цепляются одна за другую, заплетаются, и он падает. Ортопеды предлагают спасаться массажем. Мы попробовали, но тоже не помогает. В Казахстане нет клиники, где могут вылечить нашего сына. Мы написали в больницу им. Соловьева, и вот нас уже ждут. Только министр Казахстана не хочет платить за лечение в другой стране, а у нас нет столько денег. Муж сантехник, я подрабатываю на полставки контролером водочетчиков. Прошу вашего милосердия. Помогите Алижану, чтобы он ходил, как все нормальные люди. Жанар Бостанова, Казахстан

Заместитель главного врача больницы имени Соловьева Юрий Филименков (Ярославль): «Чередуя консервативное лечение с оперативным, вылечим врожденную косолапость за полтора года. Лечение эффективно до двух лет, пока особенно эластичны мышцы, связки и кости. Времени мало. А без лечения мальчик станет пожизненным инвалидом 1-й группы».

Олеся Мишина, 13 лет, травматический паралич лицевого нерва, спасет операция. 160 тыс. руб.
Внимание! Общество помощи русским детям (США) внесло \$2500 тыс. (подробности на сайте www.rusfond.ru). Не хватаем 99 175 руб.

Лицо у Олеси парализовало в три месяца от роду. Подозревали менингоэнцефалит, но нашли воспаление среднего уха. А во время операции случайно перерезали лицевой нерв. Правая половина лица потеряла чувствительность, онемела. Олеся прошла все стадии медикаментозной и физиологической, иглоукальвания и гирудотерапии, но с возрастом асимметрия лица усилилась. Вместо улыбки уродливая гримаса, речь невнятная. Правый глаз не закрывается, пересыхает, даже во сне остается щель, а от глазных капель развилась близорукость. О клинике профессора Рогинского мы услышали по радио, собрались и поехали на консультацию. Я поверила этим врачам: там впервые не отмахнулись и конкретно объяснили, как вылечить дочку. Но чем платить? Я работаю на ТЭЦ, муж — в кузнечно-прессовом цехе, вместе получаем меньше 30 тыс. руб. А у нас еще сын десяти лет. Очень прошу, помогите! Ирина Мишина, Алтайский край

Руководитель Центра челюстно-лицевой хирургии Виталий Рогинский (Москва): «Предстоит сложная операция по пересадке нерва. Мышцы частично атрофировались, понадобится пересадка мышц с помощью микрососудистой техники».

Соня Иванова, 1 год, двойной врожденный порок сердца, спасет срочная операция на открытом сердце. 191 196 руб.
Внимание! Компания «Транстелеком» внесла \$2500 (подробности на сайте www.rusfond.ru). Не хватаем 129 971 руб.

Мы с Андреем подружились в 15 лет. Окончили школу, я дождалась его из армии, поженились. А детей у нас не было. Потянулись годы лечения и ожидания. Я перенесла операцию, и вот, наконец, долгожданная беременность. Но закончилась она выкидышем. Это была трагедия. Я погрузилась в депрессию, даже стать не могла. И мы смирились: раз Бог не дает, так тому и быть. И вдруг я вновь забеременела. Сонечка родилась, когда нам с Андреем было по 36 лет. Еще лежала в реанимации после кесарева сечения, я узнала, что у дочки нехорошие шумы в сердце. Наши кардиологи сказали, что таких маленьких оперируют только в Томске и операцию надо сделать осенью. Соня плохо растет, весит меньше нормы, синева вокруг губ и под глазами. Сейчас муж работает один, водителем за 15 тыс. руб. Помогите оплатить операцию! Так страшно потерять нашу девочку. Лариса Иванова, Омская область

Ведущий специалист Томского НИИ кардиологии РАМН Сергей Иванов: «У Сони дефекты межжелудочковой и межпредсердной перегородок, все признаки сердечной недостаточности и высокого давления в легочной артерии. Надо срочно оперировать на открытом сердце».

Реквизиты авторов и поставщиков услуг есть в фонде.

ДЛЯ ТЕХ, КТО ВПЕРВЫЕ ЗНАКОМИТСЯ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в «Ъ» и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям звать понравившихся всего собрано свыше \$18,883 млн. В 2007 году (на 22 ноября) собрано 120 753 018 руб. Мы организуем и акции помощи в дни национальных праздников: 53 семьям погибших горняков шахты «Зырянская» (Кузбасс), 57 семьям стоголовых самарских милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Вологодской, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

Адрес фонда: 125252 г. Москва, а/я 50;
www.rusfond.ru; e-mail: rfp@kommersant.ru.
Телефоны: 8-499-943-91-35, 8-499-158-69-04 с 10.00 до 21.00.
Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».

Денису Кухтину найдены несколько доноров в Европе

Дениска может получить даже полностью совместимого родственного донора, сообщают нам врачи малыша. О бете этого трехлетнего мальчика из Саратова «Ъ» рассказывает 9 ноября («Четвертый день рождения»). У Денисы острый лимфобластный лейкоз, по жизненным показаниям ему необходима пересадка чужого костного мозга. Публикация получила много читательских откликов, вся сумма на лечение собрана (30 тыс. евро), так что проблем с оплатой поиска донора немецкому Фонду Морша больше не существует.

По жертвованию читателей «Ъ» хватят на спасение не только Дениса Кухтина (слева), но и Володи Русакова

Для Денисы обнаружены сразу несколько потенциальных доноров, сообщил нам заведующий отделением РДКБ Дмитрий Литвинов. Напомним, под гарантии Российского фонда помощи немцы начали поиск накануне публикации в «Ъ», обычно он занимает несколько месяцев. И вот та-

кая удача. Более того, господин Литвинов говорит, что «высока вероятность нахождения даже полностью совместимых доноров». Денис хорошо себя чувствует, вчера начал очередной курс химиотерапии.

Что касается сборов, то пожертвований собрано даже больше на 10 тыс. евро. И если не будет возражений читателей, «излиш-

ки» пойдут на поиск донора для Володи Русакова (18 лет, острый лимфобластный лейкоз, Санкт-Петербург, подробности на сайте www.rusfond.ru).

И вот еще новости.

Оплачены: операции по поводу врожденных пороков сердца стоимостью 133 600 руб. омичам Даше Шибковой (3 года), Вике Гушиной (10 лет), казахстанцам стои-

мостью 191 196 руб. Омару Ситербаеву (2 года), Еламану Ризабек (2 года) и Максиму Фадееву (11 лет, 188 980 руб.); операции по поводу сколиоза Оле Богдановой (3 года, 185 964 руб., Алтайский край), кемеровчанкам стоимостью 185 384 руб. Насте Ландовой (13 лет) и Алине Мезенцевой (17 лет), Дамиру Юнусову (13 лет, 189 584 руб., Челябинская обл.); лечение детского церебрального паралича стоимостью 150 400 руб. Кирише Никешину (4 года, Московская обл.) и Никите Гамзаеву (3 года, Тверская обл.); челюстно-лицевые операции литчанкам Яне Герасимовой (11 лет, 120 тыс. руб.) и Марии Родионовой (14 лет, 112 тыс. руб.), тульчанам Лере Волоховой (14 лет, 80 тыс. руб.), Саше Миннайчеву (6 лет, 49 тыс. руб.) и Дине Ишкильдину (1 год, 40 тыс. руб.), Яне Сафоновой (9 лет, 95 тыс. руб., Орловская обл.).

Отправлено: 124 тыс. руб. на полугодовой курс генотропина Да-

не Дмитриеву (7 лет, Ленинградская обл.); 140 тыс. руб. надва курса химиотерапии Ише Паку (3 года, Узбекистан); 180 тыс. руб. на лечение лейкоза Артему Кану (1 год, Санкт-Петербург), кухонный гарнитур «Мира» за 240 984 руб. в Российскую детскую клинику большую.

Помогли: Благотворительный фонд «Русский дар жизни», Общество помощи русским детям (оба — США), Виктория от руководителя, наркоз и хирургическая операция. «Транстелеком», ЗАО «АКБ «Русь-Банк», Собинбанк, компания «Мейджор-Авто», ЗАО «ТПГ», Кун-

цево», ООО «Оценочная компания Тереза», компания «Кухнистрой», Борис Николаевич, Федор Алексей Иннокентьевич, Марк Анатольевич, Эрика и Григорий, Андрей раб божий, Андрей Борисович, Александр Валерьевич, Любовь от руководителя, четыре Дмитрия, Марина, два Андрея, Дмитрий Павлович, Максим, три Елены, Сергей Александрович, Яков, три Натальи, Павел, Руслан, Ирина, Сергей, Алла, Денис, Елена и Сергей, два Алексея, Инесса, Иван, два Владимира, Татьяна, Антон, Андрей Юрьевич, Иткина Д. М. и Родак И. М., три Александры, Екатерина, Матвей, woldeger@, Галина Петровна, Валентин Иванович, Юлия, Евгения, Наталья Олеговна, Данил, Лариса, Николай, Евгения, Григорий Дмитриевич, Аля, Вениамин, Роман, Анна, Светлана, Инна, Маркус (все — Москва).

Спасибо!
Лев Амбиндер